

ОБРАЗ ТИРАНА В ГЛАВЕ «ПИРЫ ВАЛТАСАРА» РОМАНА «САНДРО ИЗ ЧЕГЕМА» Ф. ИСКАНДЕРА*

К.Р. Цколия

Кафедра русской и зарубежной литературы
Филологический факультет
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена исследованию образа И.В. Сталина в произведениях Ф.А. Искандера, в частности, в романе «Сандро из Чегема» (глава «Пирсы Валтасара»).

Ключевые слова: Искандер, образ Сталина, трагическое, страх.

«Чегемской жизни противостоит карнавал театрализованной сталинской бюрократии: креслоносцы захватили власть. Фигура самого Сталина, этого зловещего актера, заинтересовала меня давно, еще тогда, когда я еще ничего не писал» [1].

Искандер — выдающийся писатель второй половины XX в. Его произведения — это уже классика. Его искрометный юмор и философские темы, о которых он говорит, восторгают.

Не оставила его равнодушной и тема власти, в особенности фигура «Вождя всех времен и народов».

Писателя заинтересовала судьба Сталина не просто так, ведь репрессии коснулись и его семьи. Когда Фазилу было девять лет, отца выслали из страны, и мальчик больше его не видел. Спустя много лет, после долгих поисков ему пришло письмо от знакомого, в котором говорилось, что отец уже умер. Случай с отцом Искандера не единственный — в годы правления Сталина репрессии коснулись множества семей.

Искандер не мог оставаться в стороне и не писать о проблеме власти. На страницах своих произведений он рассказывает нам о том, как нелегко жилось народу во времена сталинского режима, затем при Хрущеве; как власть и режим загубили многие жизни.

То, как он описывает это, не может не восхищать. Это не обличительная литература, а Искандер не из числа тех писателей, которые открыто враждуют с властью и негодуют на нее.

Он искусно, через сатиру, иронию, юмор, сравнения и другие приемы передает все то, что волнует его самого.

Он — мастер слова. Возможно, благодаря своему таланту и осторожному обращению с пером его не коснулись репрессии. Но от власти он все-таки постра-

* Рец. проф. С.М. Пинаев (РУДН), доц. А.В. Брыгина (МГУ).

дал, ведь его роман «Сандро из Чегема» не печатали полностью долгое время, а отдельные новеллы романа приходилось редактировать (на родине роман вышел только в 1989 г.).

То, каким предстает Сталин в произведениях Искандера, вызывает неоднозначное мнение. С. Рассадин, литературный критик, литературовед, воспринял образ Сталина так: «Как ни странно, а может быть, вызывающе (для кого-то — и кощунственно) это ни прозвучит, кажется, что Иосиф Виссарионович Сталин в романе Фазиля Искандера «Сандро из Чегема», в главе «Пиры Валтасара», наделен неким, своеобразнейшим... да, решусь, рискну сказать: обаянием. Не лишен его, во всяком случае...» [б. С. 26]. Обаяния он, может быть, и не лишен, но сможет ли оно помочь закрыть глаза на то, что он творил с народом и со страной?

Конечно же, центральной новеллой, в которой Сталин предстает «во всей красе», является «Пиры Валтасара».

Здесь, в отличие от других глав романа «Сандро из Чегема», большинство персонажей не вымышленные, о которых многие герои романа знают не понаслышке, и от которых не раз страдали они сами или их родственники: И. Сталин, Н. Лакоба, Л. Берия, К. Ворошилов, М. Калинин, жены Берии и Лакобы. Указано также время и место действия: в 1935 г. в одном из гагрских санаториев Сталин проводил совещание секретарей райкомов Западной Грузии. А после совещания все были приглашены на празднование в честь приезда Вождя.

Сюда же приглашен и Сандро Чегемба, один из главных героев романа, с ансамблем для выступления перед властями.

Сандро не зря появляется на страницах этой новеллы. Искандер противопоставляет его со Сталиным и через него раскрывает нам образ Вождя.

Хозяином застолья является председатель ЦИК Абхазии Нестор Лакоба, а Сталин — гость на этом званом обеде.

Но все же центром всеобщего внимания присутствующих является, конечно же, Вождь, а он, как бы смущаясь, улыбается «отеческой улыбкой и как бы слегка извиняясь за предательство соратников, которые аплодируют не с ним, а ему» [1. С. 184].

Еще один замечательный пример необычайной «скромности» вождя, о котором с восторгом рассказывает Лакоба: Сталин просил выслать ему мандарины, «строго наказав сопроводить посылку счетом, который вождь оплатит с первой же полочки» [1. С. 196]. На возражения Лакобы по поводу платы Сталин отвечает: «Не мы с тобой сажали эти мандарины, дорогой Нестор, народ сажал» [1. С. 197].

«Народ сажал» — говорит он, «еще смутно нащупывая взрывчатую игру слов». «Народ сажал» — народ, который всегда идет за своим Вождем, предан ему; народ, который каждое его высказывание встречает громом рукоплесканий; народ и приговаривал и сажал своих врагов. Не парадокс ли это?

Итак — пир. Все политические деятели сидят за столом и «веселятся». Присутствующие на пиру не знают, как скрыть свою радость при встрече с Вождем. Все раболепствуют и с нескрываемой преданностью и покорностью смотрят на него. Но пройдет немного времени, и все изменится: руководитель ансамбля, который выступает перед Вождем, Платон Панцулая будет арестован, одного из луч-

ших танцоров Пату Патарая вышлют из страны, а дяде Сандро придется намеренно повредить ногу и уйти из ансамбля, чтобы и его не постигла такая же участь. Что касается «лучшего друга» Сталина — Нестора Лакоба, то судьба его известна — в 1936 г. он был отравлен и после похорон был объявлен врагом народа. Жена его под пытками сошла с ума и умерла в тюремной больнице, а сына, когда тот достиг совершеннолетия, расстреляли.

Но пока все «веселятся», хоть и под чутким руководством Вождя, который ведет свою игру. Сталин не только зловецкий актер, но он еще и режиссер, который руководит одному ему известным спектаклем. Он сидит не во главе стола, а у самого края и оттуда наблюдает за происходящим.

Центральные актеры его спектакля Лакоба, Берия, Калинин, Ворошилов, массовой является ансамбль, зрители — секретари райкомов. Впрочем, публикой можно считать и всю страну, так как каждый факт биографии Сталина, каждый его жест слово являлись частью его исторической роли.

Вождь безупречно ведет свою игру, заставляя трепетать присутствующих. Он чувствует свою власть над публикой. Вот он сталкивает своих актеров-марионеток: Берию — Лакобу. Он предлагает Берии выпить за своего «лучшего друга» — Лакобу и добавляет: «Аллаверды, Лаврентию» [1. С. 193], зная, что тот не любит Глухого (Лакобу). Сталин «забавлялся, заставляя Берию первым выпить за Лакобу» [1. С. 193].

Дальше — больше. Вот Берия посмел хохотнуть над глухотой Лакобы — Сталин тут же отвечает ему издевательством: «Попроси жену, пусть потанцует» [1. С. 194], зная, что та этого не умеет. Пусть Берия немножко поудержит пыл, пусть не забывается и пусть испытает стыд за неловкость жены.

Сандро наблюдает за всем происходящим со стороны и не зря обеспокоен: всего этого унижения Берия Нестору не простит. Знает об этом и сам вождь: «Вот я уже полюбил Глухого, и я знаю, что Берия его сожрет, но я не могу ничем помочь, потому что он мне нравится. Власть — это когда нельзя никого любить» [1. С. 204]. Это, так сказать, диалектика власти.

У Сталина есть и своя диалектика наказания: Берия просит у него разрешение на арест старого большевика Цулукидзе, который «болтает лишнее, выжил из ума» [1. С. 205]. Но Сталин находит иное решение этой проблеме. Только гениальный вождь мог проявить такую изобретательность: на Кавказе сильны родственные связи — значит, пусть будет наказан не сам Цулукидзе, а его брат — всеми уважаемый директор батумского лимонадного завода: «Пусть этот болтун всю жизнь жалеет, что загубил брата» [1. С. 206].

Все присутствующие на пиру, как и вся «загипнотизированная» страна ловят каждое слово Вождя, желая понять каждую перемену в его настроении, подобострастно демонстрируя свое стремление услужить, унизиться. Гипнозу подвержен даже Сандро.

Он, как и многие другие, физически ощущает на себе «гипнотические» способности Вождя: «Вдруг Сталин посмотрел на дядю Сандро, и тот почувствовал, как душа его плавно опустилась вниз, при этом сам он, не мигая, продолжал смот-

реть на вождя» [1. С. 193]. А тот поступок, выдвинувший Сандро на первое место в ансамбле? Он скользил на коленях по полу к ногам Сталина с повязкой на глазах — в позе, «выражающей дерзкую преданность» [1. С. 188]. А страна не так же стояла на коленях, выражая свою преданность Вождю?

Искандер показывает, что главная причина гипноза Иосифа Виссарионовича, его «гипнотического» воздействия на людей — это их страх (о воздействии гипноза Искандер говорит в философской сказке «Кролики и удавы»). Присутствующие на пиру гости, испытывая нервное напряжение, находятся в полуобморочном состоянии, пряча свои истинные мысли и желания под масками веселья и беззаботности. Страх не чужд и самому Сандро. «Где-то я тебя видел, абрек?» [1. С. 191], — говорит Сталин Сандро леденящим душу голосом, сверкнув глазами, и тот чувствует смертельную тревогу, а ансамбль танцоров при этом камнеет от страха.

Здесь стоит вспомнить один интересный эпизод. Писатель рассказывает о том, какой страх, почти смертельный ужас, испытал много лет тому назад мальчик, пасший коз в котловине Сабида, где он столкнулся с человеком, перегонявшим лошадей с награбленным добром. Этот человек «посмотрел на голубоглазого отрока с такой злостью, с какой на него никогда никто не смотрел» [1. С. 210] и сказал: «Скажешь — вернусь и убью ...» [1. С. 210].

И вот на пиру Сандро вдруг вспомнил об этом впечатлении своего детства, и «холодея от волнения», с ужасом узнал в Вожде того самого, страшного, человека. По воле автора мудрый, справедливый, добрый Вождь оказывается обыкновенным бандитом с нижнечегемской дороги. Дядя Сандро так и не смог определить, какую роль, положительную или отрицательную, сыграло его молчание (он не сказал, в каком направлении ушел беглец ни преследователям, ни отцу). «По взгляду его можно было понять, что скажи он вовремя отцу о человеке, который прошел по нижнечегемской дороге, вся мировая история пошла бы другим, во всяком случае, не нижнечегемским путем.

И все-таки по взгляду его нельзя было точно определить, то ли он жалеет о своем давнем молчании, то ли желает награды от не слишком благодарных потомков. Скорее всего, по взгляду его можно было сказать, что он, жалея, что не сказал, не прочь получить награду.

Впрочем, эта некоторая двойственность его взгляда включала в себя дозу демонической иронии, как бы отражающей неясность и колебания земных судей в его оценке» [1. С. 212—213].

Чувство страха у присутствующих постепенно нарастает и достигает наивысшей точки в сцене стрельбы Лакобы по яйцу, размещенному на голове повара. Отвратителен Вождь, режиссирующий это действие, неприятен и Лакоба, рискующий застрелить человека, но и жертва-повар не вызывает уважения, он принимает условия игры и показывает окружающим, что он это не зря делает, «он не даром рискует, а имеет за это немало выгоды» [1. С. 200].

Искандер особое внимание уделяет жестам, взгляду, выражению лица Сталина. Автор заставляет сталинскую зловещую мысль как бы выглянуть из-за стертых, непримечательных слов, выйти на поверхность, проявиться в жесте или взгляде.

Иосиф Виссарионович не раз за вечер меняет маски. Впечатленный исполняемой ансамблем песней о черной ласточке, он вдруг представляет себе, как могла бы сложиться жизнь Иосифа Джугашвили, если бы он «не захотел стать властителем России под именем Сталина... Хлопот, говорит, много и крови, говорит, много придется пролить» [1. С. 202]. Вместо этого — у Джугашвили прекрасное хозяйство, хорошая семья, дети, и крестьяне приезжают к нему за советами...

Этот замысел Искандера С. Рассадин объясняет так: «В романе „Сандро из Чегема“ есть удивительный эпизод, где властью писателя — благожелательной властью — в мозгу его персонажа Иосифа Сталина возникает идиллическое видение... Будто бы Сталин так и остался Сосо Джугашвили, будто он не Отец Народов, а грузинский крестьянин, будто едет на груженной виноградом арбе, а соседи судачат о нем — любовно и уважительно... Тонкий сарказм? Пародия, которая подчеркнула по закону контраста противоестественный характер пути, избранный бывшим Джугашвили? Да, возможно, и это. Но главное: “Я подсознательно ощущал жалость к погибшей душе”. Так ответил мне Искандер, когда я пытал его как раз по этому поводу» [8].

Да, каждый сам выбирает свою судьбу, и Сталин в этом отношении не исключение. Он быстро отбрасывает мысли о другой жизни. Ведь он уже выбрал свой путь, и в связи с этим хочется привести отрывок из той же главы «Пиры Валтасара»: «...Человеку дано стать палачом, так же, как и дано не становиться им. В конечном итоге выбор за нами.

И если бы желудок людоеда просто не принимал человечины, это был бы упрощенный и опасный путь очеловечивания людоеда. Неизвестно, куда обратилась бы эта его склонность».

И далее, развивая эту же мысль, Искандер пишет: «Нет человечности без преодоления подлости и нет подлости без преодоления человечности. Каждый раз выбор за нами и ответственность за выбор тоже. И если мы говорим, что у нас нет выбора, то это значит, что выбор уже сделан. Да мы и говорим о том, что нет выбора, потому что почувствовали гнет вины за сделанный выбор. Если бы выбора и в самом деле не было, мы бы не чувствовали гнета вины...» [1. С. 197].

Но вернемся к Вождю: Сталин, продолжая слушать песню, вспоминает свое детство, проведенное на Кавказе, вспоминает мать, и автор описывает нам его истинное лицо и мысли: «...Куры, пьяные от виноградных отжимок, ходят по двору, прислушиваясь к своему странному состоянию, крестьянин, дожидаясь его, почтительно кланяется, мать, услышав скрип арбы, выглядывает из кухни и улыбается сыну. Добрая, старая мать с морщинистым лицом. Хоть в старости почет и достаток пришли наконец... Добрая... Будь ты проклята!!!» [1. С. 203].

Он вспоминает сплетни о матери, которые ходили по селу, и явно не прощает ей их. Здесь Сталин показан с самой негативной стороны, которая может представиться в сознании кавказца.

Во-первых, слово «мать» является священным, и соединение его с проклятием является святотатством.

Во-вторых, для всех кавказцев большое значение имеет достоинство рода, и здесь целомудрие женщин играет роль гораздо большую, чем богатство и изобилие. Сын матери, про которую ходят недостойные слухи, всегда будет чувство-

вать на себе ее позор. Человека, рожденного этой женщиной, будут воспринимать неотъемлемо от этого позора.

Еще одна важная сцена, когда после выступления ансамбля Сталин лично угощает танцоров жареной курицей. Он нетерпеливо разрывает курицу на части, и жир течет у него по рукам.

В описании этого жеста автор воздерживается от комментариев, оставляя возможность читателю самому домыслить эту картину (Сталин разрывает страну и у него по рукам течет кровь: Властитель обращается с едой как варвар, на которого стыдно смотреть).

Все гости «дружелюбно» сидят с Иосифом Виссарионовичем за столом и пируют, веселятся, наблюдают за выступлениями артистов ансамбля. Все бы хорошо, но каждым владеет нервное напряжение, причем напряжение это разного свойства: если у членов Правительства и у артистов оно вызвано ужасом перед Вождем, то у самого Вождя — нежеланием раскрыть свой внутренний мир, то есть, по сути, страхом перед самим собой. Здесь мы видим псевдовеселье — пир, на котором улыбаются в знак одобрения. Глава «Пиры Валтасара» — черная пародия на истинное застолье [2. С. 254], где все радуются и веселятся, шутят, и не испытывают боязни.

В этой главе так много мнимого веселья, радости, наслаждения, что становится страшно за всех тех, кто там присутствует. Здесь все улыбаются друг другу, смеются, но в душе мечтают о расправе, внутри каждого сидит ревность и зависть, будь то Берия, ревнующий Сталина к Лакобе, Калинин, Ворошилов и другие политические деятели, заискивающие перед Сталиным, восхваляя его, пытающиеся расположить его к себе. Веселье здесь — внешняя сторона страха и поклонения перед Вождем. А когда смеется сам Вождь, все понимают — это неспроста, за улыбкой он скрывает что-то ему одному известное, что мало хорошего принесет людям. Улыбка здесь — своеобразный код, который мало кому под силу разгадать, и которому почти невозможно противостоять.

Сандро единственный (кроме Сталина) зрячий на этом пиру. Он замечает все, начиная от сухорукости Сталина и сходства между жирным блеском его сапог и блеском его глаз, как целенаправленно он сталкивает всех, как мелочно мстит каждому за малейшее неточное, недостаточно униженное движение. Сандро испытывает даже смущение за Сталина: как настоящий тамада, он никогда бы так не повел пир!

Наблюдательный Сандро, исподтишка разглядывающий владыку, видит перед собой маленького, рябого человека с несбалансированной психикой и садистскими наклонностями и делает трезвый вывод: Вождь-то «порченный». Тут он, конечно же, имеет в виду не физические недостатки Властителя, а его человеческую, нравственную, духовную ущербность.

Но не всем дана прозорливость Сандро. Так, когда Тенгиз рассуждает о том, как нелегко живется вождям, присутствующие его дружно поддерживают: «Что ты, Тенгиз, — воскликнули некоторые, как бы суеверно отстраняясь от этой должности. — Вождем быть — хуже нет! Голова сама лопнет!

... — Да что вы говорите, я с женой и то не могу справиться, а целую страну вот так держал. И еще соцлагерь построил» [1. С. 276].

Но при всем том плохом, что Сандро заметил за Сталиным, он намекает и на некоторое сходство между ними. Повествователь обыгрывает комические аспекты этого параллелизма, называя дядю Сандро «величайшим тамадой всех времен и народов», что, конечно, пародирует титулы Сталина, такие, как «отец народов» и «величайший вождь всех времен». «По словам дяди Сандро... он (Сталин) тоже мог бы стать неплохим тамадой, если бы так много не занимался политикой. Тут дядя Сандро остановился и лукаво оглядел всех... словно стараясь понять, дошел ли до слушателей его далеко идущий намек. Трудно сказать, дошел ли он до слушателей, потому что Тенгиз... насмешливо посмотрев на дядю Сандро, спросил: Выходит, если бы ты так много не занимался застольными делами, мог бы стать вождем?» [1. С. 276].

Так, получается, если бы Сталин больше времени проводил в простых человеческих удовольствиях и упражнял свои незаурядные способности в роли тамады, человечество в целом от этого бы сильно выиграло.

Сандро — плут, пройдоха, могущий сказать правду среди общей лжи.

А Сталин? Сталин — плут? Как-то жутковато употреблять такие слова, говоря о человеке, при котором уничтожены десятки миллионов человек.

Но искандеровское соотношение двух героев заставляет задуматься. Разница в плутовстве и шарлатанстве — не только в масштабах: продать чужую каштановую рощу или продать свою страну (Гитлеру).

Да, Сталин тоже лжет, но его ложь становится жизненной правдой миллионов, которую попробуй не признай за правду, не поверь. Искандер проводит Сталина по жизни Сандро (или наоборот), сталкивая их в ситуациях, чреватых и смехом, и смертью. И может, Сталин так и не простил себе того, что в молодости не убил маленького Сандро на нижнечегемской дороге.

У Искандера Сталин не страшен и велик, а страшен и жалок. Автор разоблачает мнимое величие и обнажает ничтожное человеческое наполнение. А там, где есть трезвость взгляда и ясность ума, не найдется место культу и социальной мистике.

Жизненный путь человека определяется не его социальным происхождением, а личным нравственным выбором. По Искандеру, нравственность — стержень личности, ее ключевое качество. Да и человека отличает от зверя наличие в нем нравственного закона.

Ф. Искандер обращается к образу Сталина во многих своих произведениях. Это не только «Сандро из Чегема», но и «Рассказы о Чике», повесть «Школьный вальс, или Энергия стыда», философская сказка «Кролики и удавы», повесть «Стоянка человека». «Вождь народов» у Ф. Искандера — это персонаж, овеянный мистикой.

Писатель несколько раз пользуется приемом «оживления» мертвого Сталина — то он встает из гроба и дирижирует похоронным оркестром, то вдруг появляется в парке и заставляет людей, оказавшихся там, рухнуть на колени. По-

скольку в эпоху сталинизма к вождям нередко применяли эпитет «вечно живой», что воздействовало на психику народа, так как вечным может быть Бог, то напрашивается вывод — этот прием был достаточно хорош для массового гипноза.

Конечно же, у Ф. Искандера присутствует элемент пародии на гипноз в образе «ожившего» Сталина. Цель этого приема состоит в том, чтобы показать отсутствие смерти в истории, ведь у истории нет мертвых — жив каждый, кто оставил свой след на земле.

В случае Сталина — это миллионы людей, замученных в лагерях, страх, который возникал только при упоминании его имени, при его взгляде из-под густых бровей, его смех, за которым следует кровавая расплата. Сталин умер, но продолжает жить Страх, который еще страшнее тирана, поскольку Страх — психическое явление мистического свойства, а воскресение мертвого, пусть даже временное, — это некое обещание страха [3]. Человеческая психика устроена так, что мистическое явление способно внушить ужас оттого, что является обещанием страха перед неизвестным.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Искандер Ф.* Сандро из Чегема. — М.: ЭКСМО, 2010.
- [2] *Иванова Н.* Смех против страха, или Фазиль Искандер. — М.: Советский писатель, 1990.
- [3] *Козель О.* Проза Ф. Искандера. Мировидение писателя. Поэтика: Дисс. ... докт. филол. наук. — М., 2006.
- [4] *Лачинов А.* Человек и мир в художественной системе Ф. Искандера: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Нальчик, 1998.
- [5] *Выгон Н.* Проблема утверждения нравственного идеала в прозе Ф. Искандера. — М., 1989.
- [6] *Рассадин С.* После потопа. Последний чегемец. — М.: Правда, 1990.
- [7] *Рассадин С.* Похвала здравому смыслу, или Пятнадцать лет спустя // Юность. — 1978. — № 2.
- [8] *Рассадин С.* Фазиль, или Оптимизм // В кн. Ф.А. Искандер. Ночной вагон. — М.: Панорама, 2000.

THE CHARACTER OF DESPOT IN THE CHAPTER «BELSHAZZAR'S FEAST» OF THE NOVEL «SANDRO FROM CHEGEM» F. ISKANDER

Ch.R. Tskolia

The Department of Russian and foreign literature
Faculty of Philology
People's Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya Str., 6, Moscow, Russia, 117198

This article is about the figure of I.V. Stalin in F. Iskander's novel «Sandro from Chegem».

Key words: Iskander, character of Stalin, tragic, fear.